

«Преступление и наказание»

«Преступление и наказание» — трогательная эпопея, где художник ведет читателя по ступеням всякого рода «падений», а заставив его перестрадать их в душе, мирит его в конце концов с падшими, в которых сквозь преходящую оболочку порочного, преступного человека, сквозят нарисованные с любовью и горячей верой вечные черты несчастного «брата». Созданные им в этом романе образы не умрут по художественной силе своей. Они не умрут и как пример благородного высокого умения находить «душу живу» под самой грубой, мрачной, обезображенной формой — и, раскрыв ее, с страданием и трепетом, показывать в ней то тихо тлеющую, то ярко горящую примирительным светом искру Божию...

Но есть другая сторона произведения, придающая ему еще особую цену. В нем затронуты все или почти все вопросы уголовного исследования, дана полная картина внутреннего развития преступления, сложного по замыслу, страшного по выполнению, — от самого зарождения мысли о нем до пролития крови, которым заключился ее роковой рост. Картина написана незабываемыми чертами и с самым широким взглядом на предстоящую задачу. Везде в этой картине мысль о преступлении, как зерно, тесно связана с почвой, на которую падает. Она не развивается сама из себя, путем логического процесса — она везде находит приготовленную жизнью почву, которая воспринимает и возвращает ее. Эта жизненная связь проходит через весь роман и придает ему такую поразительную правдивость. Можно проследить, как начинает замирать и ослабевать мысль о преступлении — и как, получив новый толчок, новое питание в житейской обстановке, она возрождается с еще большею силою и стремительностью.

По А. Кони

Роман Достоевского «Преступление и наказание» — тончайшее кружево глубочайших мыслей и пристальнейших наблюдений над преступниками и душевно ненормальными людьми, мыслей и наблюдений, изложенных драматически, то есть воплощенных в перипетиях истории одного тяжелого преступления.

В сущности, в романе мало совершенно оригинальных наблюдений, которые бы представляли новизну, нечто до сих пор не раскрытое, что действительно можно иногда получить при изучении живого материала, с которого пишется картина. Замечательно по глубине следующее размышление Раскольникова: «Сначала — впрочем, давно уже прежде — его занимал один вопрос: почему так легко отыскиваются и выдаются почти все преступления и так явно обозначаются следы почти всех преступников? Он пришел мало-помалу к многообразным и любопытным заключениям, и, по его мнению, главнейшая причина заключается не столько в материальной невозможности скрыть преступление, как в самом преступнике; сам же преступник, и почти всякий, в момент преступления подвергается какому-то упадку воли и рассудка, сменяемых, напротив того, детским феноменальным легкомыслием и именно в тот момент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность. По убеждению его, выходило, что это затмение рассудка и упадок воли охватывают человека подобно болезни, развиваются постепенно и доходят до высшего своего момента незадолго до совершения преступления; продолжают в том же виде в самый момент преступления и еще несколько времени после него, судя по индивидууму; затем проходят, как проходит всякая болезнь. Вопрос же: болезнь ли порождает само преступление или само преступление, как-нибудь по особенной натуре своей, всегда сопровождается чем-то вроде болезни? — он еще не чувствовал себя в силах разрешить».

Но как все эти мысли ни поражают своею глубиною, в них нет ничего нового для криминалистов, занимающихся изучением преступления на фактах действительности, лично или другими наблюденных. Французский писатель Депан, изучавший психологию преступления по многочисленным отчетам об уголовных делах во Франции, прекрасно развил мысль о том, что преступление совершается в особом состоянии, когда человеком овладела известная страсть, в котором под всепоглощающим господством одной идеи преступник не замечает таких мелочей, которых он не пропустил бы без внимания, не будь он сосредоточен исключительно на одной идее, не будь он всецело ею пленен. Дальнейшие главные наблюдения, сделанные Достоевским: стремление Раскольникова вновь увидеть то место, где им совершено его тяжкое преступление; болезненное влечение, которое его так и толкает к следователю; неудержимое стремление к явке с повинной и, наконец, жажда наказания, счастье нравственного перерождения — все эти наблюдения сделаны тысячу раз, и их верность не подлежит сомнению. Своим дарованием Достоевский создал лишь драматическую, захватывающую фабулу, воплотившую важнейшие наблюдения, какие сделаны в течение веков над миром преступления.

По В. Владимирову

Роман «Преступление и Наказание» принадлежит к числу наиболее глубоких и вместе с тем наиболее характерных произведений Достоевского. Он представляет собой как бы первое звено в ряде других крупных романов Достоевского («Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»), в которых тонкость психологического анализа соединяется с глубиной философского содержания; в этом соединении и заключается важнейшая особенность его творчества. Герои Достоевского по преимуществу люди, «ищущие», «одержимые» той или другой идеей: все их интересы сосредоточены вокруг какого-либо «вопроса», над разрешением которого они мучатся. Душевная тревога, внутренняя борьба, мятежное отрицание, безграничное отчаяние — вот их преобладающие настроения. Поэтому содержание главнейших романов Достоевского отличается глубоким трагизмом, в каждом из них разыгрывается тяжелая трагедия души человеческой, со всем напряжением своих сил борющейся со своими страстями или с овладевшими ею идеями.

Как психолог, Достоевский главное внимание устремлял на изучение явлений, стоящих как бы на границе душевной нормальности; этим он резко отличается от Толстого, душевная жизнь героев которого не отклоняется от обычной нормы. Глубже, чем кто-либо из русских писателей, Достоевский умел проникнуть в ту темную, «сумеречную», таинственную область человеческой души, где гнездятся дикие страсти и животные инстинкты, все те стихийные чувства и стремления, под которыми, по выражению Тютчева, «хаос шевелится». Достоевский показывает все то низменное, отталкивающее и страшное, что заключено в самых недрах человеческой души, раскрывает ее глубочайшие тайники, обнаруживает ее темную, стихийную основу. Изображая всю глубину человеческого падения, Достоевский вместе с тем изображает в своих произведениях всю глубину человеческого страдания. Никто из русских писателей не изображал с такою силой и с такою охотой человеческого страдания, как Достоевский; в этом изображении он находит как будто бы особенное «мучительное наслаждение», оттого его романы производят при чтении такое тяжелое болезненное впечатление; терзаясь сам вместе со своими героями, Достоевский в то же время терзает и своих читателей — недаром Михайловский прозвал его «жестоким талантом».

Эта «жестокость» его зависела главным образом от особенного взгляда Достоевского на искупительную силу человеческого страдания. «Страдание — великое дело», говорит Порфирий в «Преступлении и наказании», и эта мысль является вместе с тем излюбленной мыслью самого автора: только путем страдания человек очищается от

всякой скверны, от всякого преступления; страдание является, в глазах Достоевского, залогом спасения даже для самого закоснелого злодея: оно — привилегия человека, отличающая его от животного; эту возможность сознательного страдания Достоевский и старается показать во всех выведенных им лицах, потому что в ней он видит проблеск лучших стремлений человеческой души, искру искупительного огня. Поэтому, обнажая темные, отталкивающие стороны человеческой природы, Достоевский далек от безнадежного, пессимистического взгляда на нее: его постоянно поддерживает глубокая вера в человека, в победу светлого начала над темным и низменным в той непрестанной борьбе, которая совершается в глубине человеческого существа. Эта же вера в человека выразилась и в создании целого ряда положительных типов, в которых воплотились лучшие человеческие черты: самоотвержение, беззлобие, нравственная чистота (Соня Мармеладова, князь Мышкин, Алеша Карамазов).

По В. Саводнику

«Преступление и наказание» принадлежит к числу психологических романов, которые и составляют наиболее ценную и важную часть произведений Достоевского, стяжавшую ему всемирную славу.

Роман «Преступление и наказание» написан в 1860-х годах и принадлежит к числу тех романов («Отцы и Дети», «Обрыв»), которые пытались уловить и изобразить новые веяния, сказавшиеся в русском обществе в так называемую «эпоху великих реформ». Достоевский связывает преступление Раскольникова с теми идейными движениями, которые называются общим именем нигилизма. Сущность нигилизма, лучшим, но несовершенным представителем которого в литературе является Базаров, состояла в отрицании всяких условностей, в материалистическом мирозерцании, в простоте в личных отношениях, иногда доходившей до крайностей. Нигилизм пугал людей старого поколения и старого мирозерцания, и мысль о том, что отрицание авторитетов и условностей вместе с материализмом может привести к преступлению, принадлежала не одному Достоевскому, а всей реакционной части общества. Люди, боящиеся всякой новизны, смелого анализа мысли, освобождения от различных пут, обыкновенно, отчасти искренно, а отчасти неискренно, прибегают к аргументу: «ведь этак, пожалуй, убивать будут».

Достоевский, который ко времени создания «Преступления и наказания» уже идейно примкнул к реакционной части общества, вполне разделял опасения этой части общества перед нигилизмом, и изображение опасности нигилизма является сознательной целью Достоевского, который с 1860-х годов систематически вносит в свои романы публицистический элемент. В «Преступлении и наказании» публицистический замысел произведения — изобличение зловредности нигилизма — сам собой исчезает, вытесняясь психологическим содержанием, и притом не временным, связанным с той или другой эпохой, а общечеловеческим. Вопрос, который разрешается произведением, сводится и к вопросу о праве человека переступить то, что считается грехом, преступлением, и этот сложный вопрос психологически разрабатывается с необычайной глубиной.

По Н. Коробке

«Преступление и наказание» — один из самых серьезных, глубоких и оригинальных романов Достоевского.

Вместе с тем это и один из наиболее удачных его романов.

Роман этот — история бедного, самолюбивого, неглупого и не подлого человека, с потребностью значительного дела и личного счастья и с разьедающим сознанием, что судьба при обычных условиях не даст ему ни того, ни другого. Этот юноша, заточенный своим самолюбием бедняка в свой душный чердак, как в тюрьму, на каждом шагу своей

страстной молодой жизни испытывает тяжкие лишения и оскорбления, связанные с нищетой.

Он мечтал быть честным и полезным для общества, он очень любил мать и сестру, переносящих бедность в далеком провинциальном углу, и надеялся, покончив свое образование в университете, переменить свою судьбу. Он так верил в себя, в будущее, в силу образования; недаром же он допускал всевозможные лишения для матери и сестры, которые помогали ему окончить курс в университете. Он был уверен, что сумеет скоро и сторицею вознаградить их. Но вот он на ногах, а нуждается все так же, нуждается еще более; мать и сестра по-прежнему жертвуют всем, и он по-прежнему вынужден принимать их жертвы.

Человек со здоровым и практическим взглядом, конечно, перенес бы эту весьма естественную критическую минуту для всякого, начинающего заниматься определенной деятельностью, и, разумеется, недолго бы дожидался какой-нибудь производительной работы.

Но герои Достоевского всегда раздраженные, всегда ипохондрики, всегда страдальцы. И его Раскольников отвечал бедности не спокойной борьбой, а только внутренним страданием. Автор мастерски изобразил чисто физическое влияние низенького, тесного и грязного чердака, в котором постоянно валялся на своей постели его раздраженный герой, на развитие в нем болезненно-угнетенного состояния и даже злобной ненависти к людям.

Там, среди желчных монологов с самим собою, которые занимают добрую часть романа, Раскольников решает переменить свою судьбу ловким убийством старой нравственно отвратительной ростовщицы, существование которой с самой снисходительной точки зрения могло быть только вредом для людей.

По Е. Маркову

После появления едва ли не самого лучшего романа Достоевского «Преступление и наказание», в котором он ввел своих читателей в такие бездны страдающей души, в какие раньше, пожалуй, кроме Гоголя в «Записках сумасшедшего», никто из русских писателей не проникал, за писателем упрочилась репутация художника больных людей.

Все мы, конечно, живо помним впечатление ужаса и нервной дрожи, охватывавших нас при чтении знаменитых страниц, изображающих, например, галлюцинации Раскольникова. Но действительно ли его герои психически больные люди в прямом значении этих слов, действительно ли это болезнь, и не принимаем ли мы за болезнь нечто иное? И какая психическая способность поражена в Раскольникове, самом больном образе, выношенном Достоевским? Может быть, он маньяк? Но ведь тогда маньяком пришлось бы назвать всякого, кто страстно и горячо отдается какой-нибудь мысли и старается осуществить ее. Кроме того, если он маньяк, то откуда же позднее, когда преследуемая цель достигнута, берутся у него раскаяние и муки совести?

Иногда говорят, что герои Достоевского болеют волей, что именно эта душевная сила надломлена в них. Но с этим мнением согласиться еще сложнее: неужели больную волю можно видеть в тех, которые, не озираясь по сторонам, невзирая на препятствия, твердо и напролом идут к поставленным целям? А именно таковыми являются «больные» герои Достоевского, за малыми исключениями; в них можно отрицать многое, но никак не волю. Но тогда в чем же болезнь?

Болеют они совсем особенным недугом, который коренится в состоянии их мысли. И этот недуг — не их личный недуг, а недуг времени; только в них он обнаруживается сильнее, рельефнее, ярче, нежели наблюдается в рядовых представителях общества. Герои Достоевского — люди без правил, без руководящих начал, без идеалов, а потому — случайные в своих действиях, неустойчивые в жизни и глубоко несчастные. Веяние

времени разрушило в них религиозные верования дедов, которые давали смысл и цель их существованию, разбило излюбленные идеалы отцов, не оставив ни веры, ни философских идеалов, то есть всего того, что может направлять человека в жизни, что может служить ему путеводной звездой.

Отрицательное состояние мысли, налагающее особую окраску на душу, — вот тот недуг, которым страдают герои Достоевского. Он мастерски освещает это состояние, с изумительной силой и глубиной изображает те душевные превращения, которые являются последствием отрицания. В своих произведениях он внимательно следит за преемственным ходом этих превращений.

Бодрая эпоха 1860-х годов знаменательна глубокими реформами во всем общественно-государственном строе. Старые, обветшалые формы жизни падают, на их место устанавливаются новые и лучшие.

Параллельно ломке старых форм жизни и зиждательной работе новых, совершается и переворот в умственно-нравственной области. Вместе с обновленными формами жизни обновляется ее внутреннее, духовное содержание. И здесь зачинается ломка старого, и здесь наблюдаются попытки заменить это старое новым и лучшим.

При таких условиях живет и действует главный герой «Преступления и наказания», Родион Раскольников. Он — человек своего времени настолько, насколько оно выразилось в своем новом движении. Он не только повернулся спиной к отцовским верованиям, не только не дорожит прежними основами жизни, но считает своим святым призванием, делом служения истине и человечеству — работать над разрушением этих основ и верований. Борьба со старой ложью, ломка старых форм — вот идея, которая страстно овладевает всем его существом. Пока он еще не задумывается о том, что же будет потом, что возведет он на месте поломанного. Для него ясно, что будет во всяком случае лучше, что бы там ни было, ибо хуже того, что есть, ничего быть не может. Он весь поглощен своей разрушительной задачей, отуманен ею и более уже ничего не видит. Он крепко верит в спасительное значение разрушения. Спешно, на скорую руку, составляет он план своей деятельности: он убьет гадкую старуху-ростовщицу, которая сосет кров своих ближних, и очистит место для других; он разумно воспользуется ее деньгами, нажитыми неправым стяжанием, он облагодетельствует ими своих страждущих братьев.

План готов, и что же может остановить Раскольникова от его выполнения? Нравственность? Но ведь нравственность в лучшем случае — только общее благо: именно опираясь на эту верную идею, он и должен убить ростовщицу-старуху. Если признаешь идею, имей мужество мириться со всеми ее практическими последствиями; а не ясно ли, что, убрав эту одну старушонку, он сделает доброе дело для многих? Но, может быть, иная нравственность запрещает такой образ действий? Однако иной нравственности нет; ее сочинили люди, да и, сочинив, опутали ею только слабых. Сильные, избранные натуры не следуют этой нравственности, безнаказанно попирают ее. Вот Наполеон десятками, сотнями тысяч губил людей ради своего ненасытного честолюбия; а между тем за эти кровавые подвиги его награждают бессмертием, окружают его имя ореолом вечной, неувядающей славы. Так думает Раскольников, и, как человек, верный себе, он убивает избранную им жертву.

Дело сделано; руки обрызганы кровью ближнего. Но тут с Раскольниковым случается то, чего он никак не ожидал: наперекор ясной и отчетливой логике, наперекор неоспоримым доводам разума в нем просыпается совесть, лютым зверем накидывается на его душу, гложет и терзает ее, доводит несчастного до галлюцинаций — до страшных видений наяву, от которых волосы поднимаются дыбом. И все это делает совесть, которую он считал предрассудком! С его точки зрения, это — непоследовательность; это — непростительная слабость. Но отчего она есть в Раскольникове, — твердом и сильном человеке? Да именно оттого, что он еще новичок в деле отрицания — первая ласточка, вылетевшая из своего гнезда. Еще слишком близко и свежо в памяти время, когда он сам

горячо верил в то, что теперь отрицает. «Люби своего ближнего, каков бы он ни был; ты не судья ему и еще менее палач!» — звучит в его ушах старый, глубоко запавший в душу завет. И Раскольников падает и гибнет под тяжестью обломков разрушенного им здания.

По Н. Звереву

В 1866 году вышло в свет знаменитое «Преступление и наказание», это грандиозное произведение, стоящее особняком не только в русской, но и в мировой литературе и по своей задаче и по исполнению. Убийства и грабежи, столь обычные во все времена и у всех народов, давно были предметом писателей (например, в «Разбойниках» Шиллера, в повести «Дубровский» Пушкина), но Достоевский затронул это явление с особенной точки зрения, с какой не затрагивал его еще никто, никому из писателей не приходила в голову мысль всмотреться в это явление, углубиться в выяснение общественных и личных причин и побуждений, вызвавших подобного рода явление, чтобы дать им социальные и психологические обоснования.

Для обычного взгляда студент Раскольников — двойной убийца и грабитель; он заслуженно преследуется правосудием, присуждается к каторжным работам; но читатель чувствует, что перед ним преступление необычайное, не вмещающееся в обычные рамки убийств с целью грабежа, не говоря уже о том, что Раскольников не воспользовался и не стремился воспользоваться в личных интересах награбленным; Раскольников даже не испорченный и не дурной человек. Он нервно отзывчив на чужое и незаслуженное горе и страдание, готов облегчить это горе и страдание своим участием и пожертвованием последних копеек, имеющихся в его распоряжении. Нужна была обстановка большого города, нужно было исключительное направление всей эпохи, чтобы созрело и дошло до осуществления задуманное.

Мировая литература не имеет произведения, в котором мы находили бы такое мастерское воспроизведение преступления, совершенного интеллигентным человеком, не способным на такое жестокое дело. А душевное состояние Раскольникова после убийства, когда он еще глубже уходит в себя, избегает человеческого общества, чуждается ласки и общения с самыми дорогими и близкими людьми — матерью и сестрой, приехавшими в Петербург повидать дорогого Родю, когда он, разбитый, нравственно измученный, но все еще гордый своей идеей сверхчеловека, несет свою исповедь Сонечке Мармеладовой, этому кроткому, чистому при своем пороке существу, общественному отщепенцу, подавленному тяжестью общественного презрения?!

Да, в русской литературе роман Достоевского занимает особое место как явление невиданное, неожиданное. А второстепенные лица романа, из которых каждое необходимо для целого и достойно тщательного внимания! Помещик Свидригайлов, на все дерзающий и безнаказанный сладострастник, обеспечивающий семью Мармеладовых; Сонечка и сам безудержный пьяница Мармеладов, с его твердой верой и надеждой на Божие милосердие в день страшного суда Господня!

Разрушая все принятые понятия, Достоевский устанавливает новую оценку преступного и позорного, дозволенного и недозволенного.

По Малинину

Романы Достоевского являются наиболее ценными его произведениями. Им он обязан всемирной славой. Все они имеют общие черты, отличающие творчество Достоевского от творчества других, как русских, так и иностранных писателей. Главное внимание в своих романах Достоевский обращает на изображение наиболее глубоких и темных переживаний человеческой души. При этом в основе каждого романа лежит выяснение какого-либо нравственного вопроса величайшего значения. Герои романа мучаются этим вопросом, и их мучения, сомнения, душевные тревоги, внутренняя борьба,

надежды и отчаяние, дерзновение и падения являются содержанием романа. В каждом из романов разыгрывается трагедия человеческой души, мучительно и напряженно борющейся со своими страстями или мучающими ее идеями и изнемогающей в непосильной борьбе.

Глубоко проникает Достоевский в тайники человеческой души, туда, где гнездятся необузданные страсти и животные инстинкты человека, в область темного, загадочного, нередко стоящего на грани между нормальной душевной жизнью и душевной болезнью. С поразительной силой рисует Достоевский глубины нравственного падения человека и глубины душевного страдания. Достоевский верит в искупительную силу такого страдания. Отсюда у него и вера в человека, в возможность нравственного возрождения для всякого, даже глубоко падшего.

Образцом романов Достоевского может служить «Преступление и наказание».

Велико и разнообразно значение этого романа. Интересный в литературном отношении, он заслуживает особого внимания и в отношении нравственном, психологическом, юридическом. Достоевский ставит в нем важнейшие вопросы человеческих отношений, рисует глубочайшие тайники человеческой души, затрагивает вопросы юридических отношений между людьми. Интересен роман Достоевского и потому, что в герое его изображены черты русского человека, развившиеся в шестидесятые годы XIX века на почве господствовавших тогда среди молодого поколения политических и общественных учений.

По Н. Черепнину

В эпилоге романа герой видит сон: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились сейчас же бесноватыми или сумасшедшими». Под этими трихинами, очевидно, понимаются «теории», вычитанные из «книжек».

Сон Раскольников олицетворяет тот переворот, который мало-помалу совершился в его сознании — совершился там, в Сибири, куда он привез с собой свой гордый ум и стал потому ненавистен всем каторжникам, тем самым, которые, однако, так нежно полюбили Соню. Между ней и ими, оказывалось, вовсе нет «той страшной, той непроходимой пропасти», которая, как он убедился, лежала между ним и всем этим людом и при которой казалось, что «он и они были разных наций». Тут, конечно, Достоевский имел в виду и тот личный опыт, какой достался ему самому в Сибири. Из личных воспоминаний взяты им и те «ссылные поляки, политические преступники», которые своим презрительным отношением к «невеждам и хлопам» столько же открывали Раскольникову глаза, сколько и бывшие тут русские, «тоже слишком презиравшие этот народ, — один бывший офицер и два семинариста». Раскольников все более и более понимал не только их ошибку, но и свою собственную. «Ты барин!» — говорили ему каторжники из простых. «Ты безбожник! Ты в Бога не веруешь! — кричали ему. — Убить тебя надо». И как ни были страшны эти люди, как ни неразрешим был для него вопрос, «почему все они так полюбили Соню», он все более и более сознавал, что «эти невежды во многом гораздо умнее этих самых поляков», то есть умнее и офицеров, и семинариста, и, наконец, его самого. И вот Раскольникова «вдруг что-то как бы подхватило... и как бы бросило к... ногам» Сони, той самой Сони, в лице которой он когда-то уже поклонился земно «всему страданию человеческому», но с которой, когда она добровольно последовала за ним в Сибирь, обходился так, как с другими, сурово и гордо. Теперь только поклонился он в лице ее до матери до сырой земли не одному человеческому страданию, но и сохраненной в страдании «искре Божией». Тут только окончательно совершилось с ним и «воскресение Лазаря». «Они хотели было говорить, но не могли... В этих больных и бледных лицах уже

сияла заря обновленного будущего... Их воскресила любовь... Вечером того дня, когда уже заперли казармы, Раскольников лежал на нарах и думал о ней. В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе». Но это не казалось ему, — оно так и было. С этих пор, заключает Достоевский, «вместо диалектики наступила жизнь».

Таков этот великий роман, который смело может быть назван уже и пророческим. Да, Достоевский предугадывал в нем многое. Тогда уже, в год рокового каракозовского выстрела, он отечески вразумлял и предостерегал. Тогда уже, внимательно вчитываясь в него, могли бы приходиться к таким заключениям: как христианство, проповедываемое огнем и мечом, не оказалось настоящим христианством; как цивилизация, насажденная у нас петровским террором, не оказалась настоящей цивилизацией, — так и рай земной, насаждаемый тем же террором, — выстрелами и взрывами — никогда не окажется настоящим раем. Его жителями будут только те же животные с даром слова, провозглашающие «борьбу за существование», а не люди — с тем, «чем только и живы люди», — с законом любви.

По О. Миллеру

Как литературная личность Достоевский представляет собой явление необыкновенное, зовущее к своему изучению. Его произведения — это история всей его душевной жизни. В одной газетной статье о Достоевском было сказано, что его «произведения суть его горькие и страстные мысли о судьбах человеческих». Натура необычайно глубокая и впечатлительная, истинный художник, до болезненности страстно относившийся к жизни, он старался разгадать смысл болезненных явлений в обществе, и его мощное воображение создавало ему образы, отражавшие его страстные и горькие мысли. Каждое лицо, выведенное им, непременно запечатлено мыслью автора, нередко неопределенной, которой не сформулируешь словами, нередко составляющей вопрос, не поддающийся решению, — и видно, что мысль эта терзала автора, мучила его, сопровождалась глубоким чувством.

По А. Введенскому

Хотя в романе «Преступление и наказание» Достоевский и осудил теории нигилистов, все же он не может сопоставляться с теми романистами 1860-х годов, которые считали своей задачей именно обличение нигилизма: он рассмотрел мятущийся, ищущий и страждущий дух там, где эти обличители, по своей ограниченности и тенденциозности, могли видеть лишь грязь и пошлость. «Читатели, — писал один из критиков, — привыкли видеть в нигилистах, во-первых, людей скудоумных и скудосердечных, людей лишенных ясной силы ума и живой сердечной теплоты. Люди эти строят собственным умом теории, совершенно оторванные от жизни, доходящие до величайших нелепостей. На основании этих теорий они извращают свою и чужую жизнь и живут в этом извращении, не понимая и не чувствуя всего безобразия такой жизни. Поэтому нигилисты являются нам существами гадкими и смешными, пошлыми и отталкивающими. Словом, они изображаются так, что по самой сущности дела могут возбудить не симпатию, а только насмешку и негодование... Между тем, в сущности, ведь их следует пожалеть. Ведь нет никакого сомнения, что душа у них все-таки просыпается со своими вечными требованиями. Притом не все же они пусты и сухи. Есть, конечно, и между ними люди, в которых эта ломка своей природы отзывается долгими, неизгладимыми страданиями». И, следовательно, ко всем им, ко всей этой сфере кажущихся счастливых, устраивающих свою жизнь на новых основаниях, можно обратиться со словами любящей Сони: «Что вы, что вы над собой сделали?»

Отвергая нигилистические теории Раскольникова, осуждая их устами Сони, Достоевский еще раз подчеркивает значение «бедных людей»: они не только сознают свое человеческое достоинство, но и ставят выше других. В этом случае образ Сони Мармеладовой служит для развития некоторой идеи, уже ранее проявлявшейся в творчестве Достоевского; но этот же образ, с другой стороны, является первым выражением новой идеи, которой суждено было получить свое полное воплощение в князе Мышкине и в Алеше Карамазове, — идеи о преимуществе людей высокого нравственного развития, но простоватых, внешне не умных, перед людьми умными, но порочными. Эти простяки могут многому поучить самоуверенных умников.

По А. Бороздину

В своем романе Достоевский пытался начертить основные типы преступления, отбросив в сторону все разнообразные индивидуальные условия, которые придают каждому случаю преступления своеобразную физиономию; нарисовал первую фазу преступления, обнажил те слои, из которых преступление зарождается и те источники, из которых оно питается, а также показал результат преступления, подведя итог окончательному исходу борьбы между преступной личностью и обществом. Иными словами рассказал историю созревания преступления, дал описание тех темных сил, которые возмущают жизнь общества, нарисовал картину самой борьбы, показал тот механизм, с помощью которого общество борется с преступлением.

Центральной фигурой является студент Раскольников, и его обычно называют героем этого романа, однако это верно лишь до известной степени. В «Преступлении и наказании» героем выступает не личность, а преступление как одна из фигур царства зла, как отвлеченная сила. Внимание читателя, в конце концов, останавливается на вопросе о причинах и происхождении преступления. В уме читателя слагается цельное представление о царстве зла, где отдельные элементы, такие как бедность, порок, страсть, нравственное падение, заблуждение ума, тесно переплетены между собой и составляют одно неразрывное целое.

Недаром автор озаглавил свою книгу «Преступление и наказание». Очевидно, в его глазах не личности, фигурирующие в романе, а именно само преступление и само наказание являются истинными героями. Мы находим там не одно, а целый ряд преступлений, из которых большинство проходит весь законченный процесс своего развития до момента наказания. Не один Раскольников совершает преступление — читатель встречает здесь пьяницу Мармеладова, проститутку Соню, насильника Свидригайлова. Все эти фигуры и их деяния рельефно выступают на том фоне, где Раскольников и его преступление составляют наиболее выпуклую и яркую часть картины. Правда, однако ж, что жизнь и преступления всех этих лиц группируются вокруг личности Раскольникова, фигура которого составляет центр картины. История преступления Раскольникова, со всеми деталями его душевной борьбы, тянется непрерывающейся нитью через все произведение, тогда как другие фигуры являются эпизодически, как бы вкрапленные в историю Раскольникова. Создается такое впечатление, что все действующие лица романа играют второстепенную роль, дополняя и освещая личность главного героя, служат в руках автора средством, которым он пользуется, чтобы раскрыть все стороны характера своего героя.

Однако совершенно в ином свете представляются взаимоотношения действующих лиц, если посмотреть на них и на весь роман с другой стороны — идейной. Несомненно, что Достоевский сделал попытку изложить в лицах и фактах теорию преступления. С этой точки зрения все действующие лица являются вполне самостоятельными фигурами, имеющими свой смысл помимо Раскольникова, их деяния и преступления входят основными элементами в ту область зла, которая и есть истинный сюжет Достоевского.

По Оршанскому

В оценке художественного произведения существенное значение имеют три момента: во-первых, внутренняя правда, искренность произведения; во-вторых, оригинальность и новизна содержания, воспроизведение нового, доселе неизвестного уголка жизни; в третьих, объем и значение изображенного уголка жизни.

Искренность и правда — это необходимое условие художественности. Художник должен сам верить в существование своих образов, видеть их живыми перед собой, сочувствовать им, как живым, радоваться за них, печалиться с ними. Иначе он не заставит нас поверить в возможность реального существования его образов; его произведения окажутся ложными, надуманными, не найдут в нашей душе никакого отклика. Где нет искренности и правды, там нет художественного произведения, нет творчества, а есть лишь подделка под творчество.

Художественное произведение живет до тех пор, пока трогает сердца читателей.

Едва ли нужно говорить, что Достоевский — крупный художник, что его произведения живут и будут жить, что они способны волновать сердца и долго еще не утратят этой способности. Достоевский не фальсифицировал образы, а видел их живыми, жил сам в них, верил в их реальность. Момент творчества для него — момент высшего напряжения симпатии и ненависти, именно потому, что его образы не куклы, не игрушки, а сама жизнь: «Если я был счастлив когда-нибудь, то это в те долгие ночи, среди восторженных надежд и мечтаний и страстной любви к труду, когда я сжился с моей фантазией, с лицами, которых сам создал, как с родными, как будто с действительно существующими; любил их, радовался, печалился с ними, а подчас даже и плакал самыми искренними слезами над незатейливым героем моим». Именно благодаря такой искренности и проникновенной симпатии, всякое истинно художественное произведение «сердца волнует, мучит как своенравный чародей»; именно потому, что Достоевский в своем творчестве глубоко правдив, что от каждой страницы его произведений веет живым, горячим, неподдельным чувством, он заставляет наше сердце сочувственно откликаться ему.

Столь же всеобщим является признание за произведениями Достоевского оригинальности и новизны содержания. Достоевский создал небывалые образы в русской литературе, развернул перед читателем душевную жизнь, о которой до него почти ничего не было сказано. Это придает ценность его произведениям: художественное произведение тем ценнее, чем оригинальнее его содержание. При равной силе симпатии и искренности, другими словами, при равной силе художественной выразительности, способности тревожить сердце, то произведение выше, которое делает объектом вашего чувства новый мир, новый уголок жизни.

Утверждая правдивость и оригинальность творчества Достоевского, мы тем самым высказываем общепризнанное мнение, что его произведения представляют крупную художественную ценность, что они — крупный вклад в русскую художественную литературу, что, наконец, они имеют огромное значение. Но какое именно? Как широк тот уголок жизни, который освещается в произведениях Достоевского? Положительные или отрицательные явления изображены в его произведениях? Какие чувства и мысли возбуждают они в читателе? К каким практическим результатам приводят?

Отвечая на эти вопросы, мы уясняем себе, какое значение и цену имеет или может иметь для нас художественное творчество Достоевского.

В произведениях Достоевского развертывается жизнь, полная мучений и отчаяния. Он показывает, как бьются люди в безысходных противоречиях, как разбиваются они в бесплодной борьбе. Одинокие и затерянные в бешеной сутолоке городской жизни, затертые и забытые, неуверенные в завтрашнем дне, они мечутся, потерявши голову, доходя до безумия, до преступления. Дойдя наконец до последних пределов отчаяния,

утратив веру в себя, смирившись, они застывают в пассивном терпении, лелея, как единственное утешение, веру в возможность чуда. С проникновенным чувством рисует Достоевский все перипетии скорбного существования «бедных людей», раскрывая перед читателем весь тернистый путь от «подполья» до «мертвого дома». Он сам переживает все их страдания, волнуется их волнениями, думает их думами. Художник болеет душой за своих погибших и погибающих; он напряженным взором следит за каждым самым отчаянным и самым рискованным их шагом в надежде, не здесь ли выход, не тут ли спасение; он сам ищет исхода для одних; других зовет принять участие в этих поисках. Его пугает бессилие его героев, безнадежность их положения. Ему жутко, что не слышно бодрящего голоса, что ниоткуда нет помощи, что всюду, куда ни кинет он взор, расстилается царство гибели, одиночества и молчания.

В этой способности волновать сердца людей, будить в них чувство тоски и боли, побуждать их мысль и волю к энергичному действию, и есть значение творчества Достоевского, и эту способность следует выше всего оценить в нем.

По В. Переверзеву

В границах одного романа с щедростью и всеобъемлющим размахом Достоевский развернул исключительное богатство социальных характеров и показал сверху донизу целое общество в его чиновниках, помещиках, студентах, ростовщиках, стряпчих, следователях, врачах, мещанах, ремесленниках, священниках, кабатчиках, сводницах, полицейских и каторжниках. Это целый мир сословных и профессиональных типов, закономерно включенный в историю одного идеологического убийства.

Широта охвата здесь сказалась и в четкой постановке основных тем Достоевского, как бы выходящих за пределы данного произведения и господствующих во всем творчестве романиста. В «Преступлении и наказании» получают развитие мотивы его предшествующих произведений, и отчетливо выступают идеи и образы позднейших больших романов. Тема «бедных людей», растоптанных ростков большого города, определившая раннее творчество Достоевского, достигает высшей степени художественной выразительности в изображении семьи Мармеладовых. Подлинность трагизма здесь неизмеримо превосходит фигуры Девушкиных и Прохарчиных и в целом достигает такой художественной высоты, до которой уже не поднимаются образы семьи Снегиревых в «Братьях Карамазовых», где огромный опыт великого художника не может заменить непосредственного творческого драматизма образов Сони, Катерины Ивановны и «чиновника с бутылкой».

Одновременно и острый психиатрический интерес автора «Двойника» и «Хозяйки» к болезненным явлениям раздвоения личности, различных маний и гипноза развертывается в романе в патологические картины исключительной художественной впечатляемости и глубокого научного значения.

Но и господствующая тема преступления, убийства, крови и неизбежно сопутствующее ей возмездие, «отомщение» наказания подготовлены предшествующими произведениями Достоевского. Эти страницы романа преимущественно питаются огромным опытом «Записок из мертвого дома», в которых собран богатейший материал по психологии преступника и практике убийства и где даны бессмертные зарисовки острога, звучащие глубоким лейтмотивом в историях Раскольникова и Свидригайлова.

Наконец, непосредственным введением к «Преступлению и наказанию» являются написанные как раз перед этим романом «Записки из подполья». Они произвели сильное впечатление на Аполлона Григорьева, признавшего, что именно в этом произведении художник нашел свою манеру. «Ты в этом роде и пиши» — таков был завет умиравшего критика своему другу-романисту. Достоевский последовал этому совету. «Преступление и наказание» — углубленное развитие «Записок из подполья». Раскольников, как и

подпольный человек, отъединяется от мира для вольной критики его незыблемых законов, согласно своему свободному хотению, и в этой оторванности от людей, умственно измученный и душевно истощенный, он обращается за спасением к девушке с улицы, от которой получает в ответ на свои моральные пытки великий дар сочувствия и сострадания.

В целом ряде основных моментов «Преступление и наказание» являет дальнейшее развитие «Записок из подполья», осложненных трагедией убийства и всем комплексом связанных с нею психологических и моральных проблем.

Но, широко вбирая в себя основные мотивы «молодого Достоевского», роман возвещает и последующие этапы его творческой мысли. Так, например, проблема власти и денег заново ставится «Подростком».

Одновременно история Раскольникова устанавливает новую, последнюю «гениальную» манеру Достоевского, развертывающего отныне серию больших философских композиций в форме увлекательного уголовного романа. Сам Раскольников — первый у Достоевского тип «философа-преступника», получивший впоследствии новые варианты этого образа.

Наконец, сон Раскольникова, как бы развертывая одну из мыслей «Записок из подполья», является узлом мотивов, получающих господствующее звучание в «Бесах», «Кроткой», «Сне смешного человека», «Великом инквизиторе». Роман «Преступление и наказание» как в фокусе собирает лучи мысли Достоевского, рассеянные в его произведениях 1840–70-х годов.

При всей сложности внутренней тематики совершенно изумителен по своей цельности и полноте основной тон повествования. Он словно вбирает в себя все интонации и оттенки отдельных сцен и образов — столь разнородные мотивы Сони, Свидригайлова, Раскольникова, Мармеладова, старухи, — чтобы слить их воедино и постоянным возвращением к этим господствующим и сменяющимся темам сообщить роману как бы некоторую симфоническую форму современного Петербурга, сливающую огромное многообразие его звучаний в единое и мощное целое трагедии Раскольникова.

По Л. Гроссману